

К Р О К О Д И Л

З-390/41

Ни минуты опоздания!

Рис. Л. Бродаты

Новоюдние телеграммы

Тел. №	Плата руб. к.	Передача
Слов.		го ч. м. пор. №
Плата и подав.	Народный Комиссариат Связи СССР	в пр.
	Из Москвы	Передача
Приним.	№	Служ. Отметка
Итого	Сл.	№
Куда		
Кому	Шостаковичу	

Протокол
общего собрания любителей музыки

Слушали: Ваш квинтет

Постановили: Слушать и слушать

№ 25 сл. 31 го 24 м. 22 м.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ

В ИСКУССТВЕ СЛОВЕСНОЙ НЕ МЕСТО КЛЯУЗЕ

ПРЕДЛАГАЮ СПОСОБ УДОБНЫЙ ВПОЛНЕ

УСТРОЙТЕ ДИСПУТ О ДЖЕКЕ АЛТАУЗЕНЕ

АВОСЬ ТОГДА ВСПОМНЯТ И ОБО МНЕ

В МАЯКОВСКИЙ

Народный Комиссариат Связи СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Служебные отметки

С Новым годом! Ваши портреты потянутся. Усыпаный вас Всенародный

Адрес: Стахановский завод «Сила»

Итого

Куда

Кому

л. №	Плата руб. к.	Передача
лов.		го ч. м. пор. №
Плата и подав.	Народный Комиссариат Связи СССР	в пр.
	Из Москвы	Передача
Приним.	№	Служ. Отметка
Итого	Сл.	№
Куда	Хуцигу Теткин	
Кому	Поздравляет с годом Лотеревские	

Народный Комиссариат Связи СССР ФОТО-ТЕЛЕГРАММА

Служебные отметки

Люблю. Скажу.

Радиослушатели

Итого

Куда

Кому

Сынок и пасынок

ОДНА немолодая особа приехала из Вятки в Ленинград.

Дело в том, что дочь этой особы проживала в Ленинграде. У этой дочери родился сын. И вот теперь наша новоявленная бабушка приехала в Ленинград, чтоб увидеть своего внука и чтоб пошить ему какой-нибудь гардероб, соответствующий его возрасту. И с этой целью она привезла с собой ручную швейную машину.

Кроме машины старуха везла еще корзинку со всякой домашней ерундой и пакет с продуктами питания.

Родственники старухи, провожавшие ее в Вятке, поставили в вагон эти ее вещи. Так что старуха не ощущала пока что тяжести своего багажа.

Но когда поезд остановился в Ленинграде и наша престарелая женщина, нагруженная багажом, вышла на платформу, она увидела, какая это тяжелая ноша.

Она споряча прошла шагов двадцать и подумала, что ей капут. Дыхание у нее перехватило, сердце в груди заколотилось, в боку закололо.

Она положила свою ношу на платформу. И присела на корзинку. Сидит и еле дышит.

Вдруг идет носильщик.

Старуха подошла к себе и говорит:

— Сынок, моя дочь не могла меня встретить, поскольку она прикована к постели по случаю рождения ребенка. Муж моей дочери,

слесарь производства, вероятно, не смог в дневное время покинуть свой станок. Одним словом, меня никто не встретил, и я теперь нахожусь в крайнем затруднении. Помогите, сынок, дотащите мои вещи до трамвая. Но только я тебе откровенно скажу: я имею в обрез на проезд в трамвае с багажом. Что касается оплаты за твой полезный труд, то я могу тебе предложить на выбор: кусок пирога с капустой либо вареную куриную ногу.

И с этими словами наша старуха развязывает пакет, чтобы показать носильщику его плату.

Носильщик, который мечтал получить деньги и уже мысленно положил, может быть, трешку в свой карман, с неудовольствием выслушал речь старухи.

Он сказал:

— При чем тут, мама, пирог и куринная нога? Существует такса за пронос багажа. А которые не могут платить, те пушай сами вещи несут, если они такие сильные. Ваша вареная куринная нога меня не устраивает. Я не могу оплачивать квартиру с помощью этой ноги. Надо что-нибудь понимать, прежде чем делать людям такое несерьезное, обидное предложение. Еще хорошо, что вы высказались, прежде чем я отнес ваши вещи. Хорош был бы я, если б за свой труд и потраченное время получил бы куриную ногу. Я представляю, какая неожиданность была бы для меня, думаю, что я отвел бы вас в отделение милиции... Покажите, впрочем, эту вареную ногу. Просто интересно посмотреть, что это за нога, которую я мог бы получить.

Издали посмотрев на куриную ногу, носильщик удалился, укоризненно покачивая головой.

Старуха снова взяла свою поклажу и, тяжело дыша, направилась к выходу. Она плохо шла. Шаркала ногами. Косыночка ее сбилась с головы. И волосы разболтались. И она не предвидела конца своему путешествию.

Вдруг к старухе подходит какой-то неизвестный гражданин. Очень чисто одетый. В перчатках. Он стоял у газетного киоска и что-то покупал. Но, увидев старуху с багажом, он подошел к ней и сказал:

— Ну-те, мамаша, дайте я вам вещи понесу. Я вижу: вас затрудняет эта тяжесть.

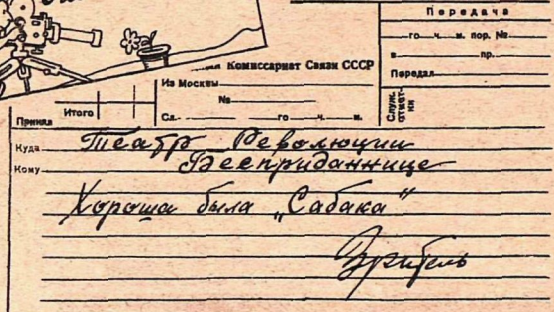
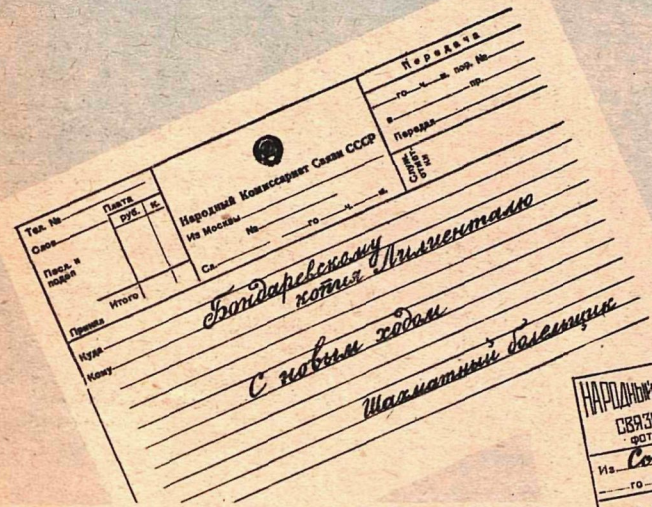
У старухи мелькнула мысль: «Не вор ли это?» Но гражданин в перчатках так деликатно принял ее вещи и так добродушно улыбнулся, что мысль эта сразу же отпала.

Растерянная и даже ошеломленная этим предложением, старуха не нашлась, что сказать. Она как тень последовала за незнакомцем. И на улице молча показала рукой, на какую трамвайную остановку идти.

Незнакомец поставил ее багаж на площадку трамвая, помог войти в вагон и, сняв шляпу, пожелал ей счастливо доехать.

Ошеломленная старуха даже и тут не нашлась, что сказать. Она не произнесла даже «мерси» или «благодарю». Она молча смотрела на незнакомца, не зная еще, какие ей мысли подвести под все это дело.

Но вот трамвай пошел. И незнакомый гражданин исчез в толпе.

И вот старуха приехала домой. Увидела внука, и с дочкой своей обнялась и поцеловалась.

И с первых же слов она рассказала ей историю, какая произошла с ней на вокзале.

И дочка была поражена не меньше чем ее мама.

Это дочка написала мне письмо. Вот что она пишет в этом письме:

«Не можете ли вы, уважаемый писатель, через посредство вашего рассказа поблагодарить этого гражданина. Моя мама растерялась и ничего ему не сказала. А теперь она только об этом и говорит и при этом плачет. Ей досадно, что она не поблагодарила хорошего человека за его душевное, сердечное отношение... А если вы напишете рассказ, то, может быть, он прочтет этот рассказ и ему станет приятно, что его вспомнили в хороших выражениях... Если вы возьметесь написать этот рассказ, то передайте, пожалуйста, ему привет от меня и от мамы. Как-нибудь вы вставьте эту фразу так, чтобы она не повредила вашему рассказу...»

Нет, такие фразы не вредят рассказам.

И я с охотой и удовольствием исполняю просьбу двух женщин.

Я написал этот рассказ и теперь надеюсь, что его прочтет наш славный незнакомец.

Этот рассказ я помещаю в новогоднем номере журнала. Ведь именно на Новый год мы обычно делаем пожелания друг другу. Так я пожелаю гражданам в Новом году поступать так, как поступил незнакомец.

Я поздравляю его с Новым годом. И мой первый бокал с шампанским я поднимаю за него и за тех людей, которые во всех делах поступают так же, как он.

МИХ. ЗОЩЕНКО

Новогоднее

Новый год — он рядом, но вначале
 Не мешает вспомнить о былом.
 Вспомним, как мы Новый год встречали
 Год назад за этим же столом.

Были танцы. Комната вертелась,
 Слышались признанья на ходу,
 И, казалось, все, что нам хотелось,
 Совершится в этом же году.

Год прошел. И мы теперь недаром
 Говорим в присутствии гостей:
 «Если даже год зовется старым,
 Он принес немало новостей».

Вот опять мы вместе и не тужим:
 Эта врач, цветет, как маков цвет,
 Этот стал папашею и мужем,
 Тот скрипач и чуть ли не поэт.

Этим двум почет и уваженье,
 Эти оба, тихие пока,

Знают, как таблицу умноженья,
 Безмоторный путь за облака.

Значит, есть причина веселиться,
 Есть, кого попотчевать вином,
 С кем сердечным словом поделиться
 И на миг не думать об ином.

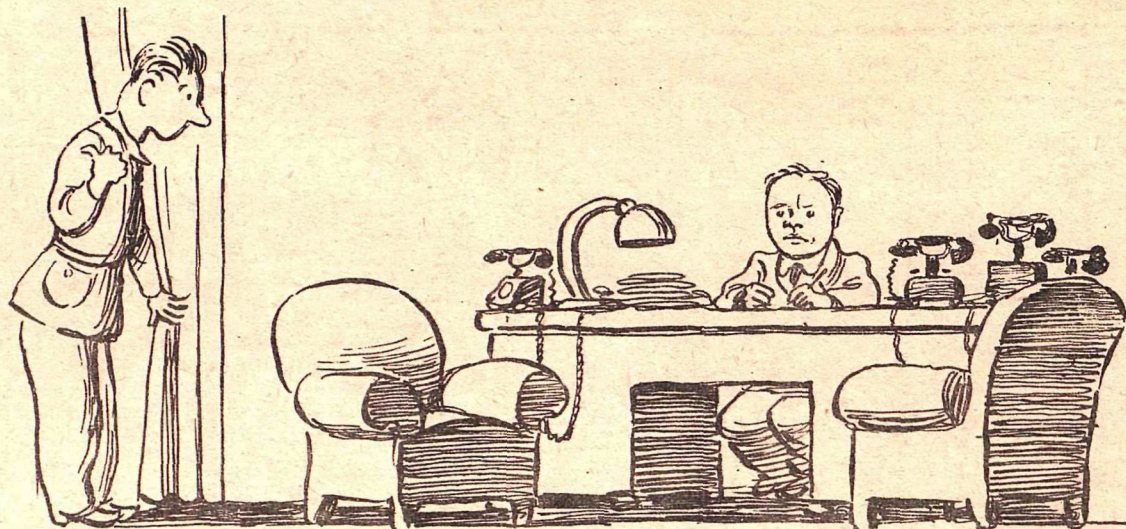
И давайте выпьемте за этот
 Старый год и новый... и за то,
 Чтобы скучных не было нигде тут,
 Чтобы зря не хмурился никто,

Чтобы мы прощались без печали,
 Но не разлучались навсегда
 И в таком же обществе встречали
 Впереди стоящие года!

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

Рис. Н. Радлова

— Товарищ Пронин, тут еще один дом привезли. Куда ставить?

Ничего удивительного

— Милый мой! — воскликнул товарищ Карамелькин и бросился ко мне на шею.

Мы троекратно облобызались. После чего товарищ Карамелькин, начальник нашего учреждения, крепко пожал мне руку и сказал:

— Спасибо. Большое, сердечное спасибо, товарищ Пантелеев! Вы ко мне подошли не только как подчиненный к начальнику, но как товарищ к товарищу. Смело, решительно, как и подобает советскому человеку, вы вскрыли на собрании актива все недочеты моего руководства. Вы совершенно точно подметили элементы бюрократизма в моей работе. Очень правильно указали на факты бездушного отношения к людям. И, надо отдать вам справедливость, весьма остроумно прощлись насчет моего зазнайства. Я хорошо запомнил это место в вашей речи. Прекрасно получилось. «Кто-то сказал о том, — говорили вы взволнованно, — что некоторые полагают, что им вместе с чином дан и ум. Но часто мы видим, что человеку дали чин, а ума у него ничуть не прибавилось». Очень резко, но справедливо. Конечно, нечего скрывать, не очень приятно выслушивать такие слова. Но я их вполне заслужил. Еще раз, товарищ Пантелеев, большое вам спасибо за здоровую критику. Вы мне оказали большую услугу.

Товарищ Карамелькин помолчал, затем добавил:

— А Царапкина придется уволить: подхалим. Как он смел в моем присутствии выражаться обо мне такими словами! Вы только подумайте, что он сказал: «Под испытанным руководством товарища Карамелькина наше учреждение идет гигантскими шагами вперед». Так лгать! Так лгать! Нет, таких людей нельзя держать в аппарате...

И ровно через полчаса я увидел на доске приказов следующее:

«Старшего плановика Царапкина С. Т. уволить как подхалима и очковтирателя...»

Я возвращался домой в веселом настроении. Над городом висело небо, чистое и ясное. И люди попадались навстречу, все такие хорошие, милые, с открытыми, честными лицами. И мне даже петь захотелось.

Но вдруг я услышал, как два гражданина ссорятся. Я был страшно поражен.

Как это может быть, чтоб люди ссорились?

Старожилы рассказывают, что когда-то действительно некоторые люди находили удовольствие в том, что говорили друг другу всякие гадости. Были даже эти... как их... слово такое чудное. Ах, да. Вспомнил: «склочники». Говорят, попадались даже крепко склочные коллективы. Но это было так давно. Триста шестьдесят шесть дней тому назад...

Я остановился и стал прислушиваться к громкому разговору этих двух граждан.

— Нет уж, дайте мне сказать, — говорил блондин с чудесными синими глазами. — Не вы меня толкнули, а я вас, простите, задел локтем. Так что я должен извиниться перед вами, а не вы передо мной.

Но, как видно, коса нашла на камень.

— Не могу согласиться, — вспыхнул второй гражданин, шатен с очаровательными серыми глазами. — Не могу согласиться! Вы абсолютно не правы. Это не вы меня задели локтем, а я вас толкнул. Нет, нет, не извиняйтесь, пожалуйста. Это я должен перед вами извиниться...

Я пошел дальше. Дома, на лестнице, я встретил живущего в нашей квартире драматурга Чародеева. Обычно веселый человек, он на сей раз почему-то был угрюм.

— Что с вами? — спросил я.

— Маленькая неприятность, — ответил Чародеев. — Поругался с критиком Анчаровым.

— Что вы! — воскликнул я. — Ведь вы с ним старые друзья.

— Да. Но, к сожалению, Анчаров поступил

со мной не по-товарищески. Он написал большую статью о моей новой комедии. Неправильную статью. Нехорошую статью. Меньше всего я ожидал это от Анчарова. Он от начала до конца всю мою комедию расхвалил. Мне сейчас неловко смотреть людям в глаза. Ведь все знают, что в этой пьесе имеется ряд существенных недостатков. А он об этом умолчал. Не ожидал. Не ожидал...

Сказав это, Чародеев вышел на улицу, низко опустив голову.

В коридоре я встретил моего соседа Карпова, директора одного крупного завода.

— Слушайте, — обратился он ко мне, — у вас есть какая-нибудь энциклопедия? Мне нужен том на букву «Б». Понимаете ли, я в одном старом журнале наткнулся на одно старинное слово — «бракодел». Хочу узнать, что это означает.

Я по мере своих сил постарался объяснить ему значение этого слова:

— Видите ли, когда-то, очень давно, триста шестьдесят шесть дней тому назад, были и такие люди, которые на заводах и фабриках делали брак, то есть плохие вещи. Они и назывались бракоделами.

Но Карпов не совсем понял.

— Вы как-то путано объясняете, — сказал он. — Ведь плохие вещи никому ненужны — зачем же они их делали? И зачем вообще делать плохие вещи, когда лучше делать хорошие вещи?.. Дайте мне все-таки энциклопедию.

Минут через десять после этого разговора я услышал шум на кухне.

«Ага! — подумал я. — Опять сцепились».

Это обычная кухонная баталия, которая происходит почти ежедневно между двумя соседками: Анной Ивановной и Анной Петровной.

Я приоткрыл дверь и стал прислушиваться.

— Да поймите же, — кипятилась Анна Ивановна, — скерцо гораздо сильнее финала!

— Ничего подобного! Ничего подобного! — кричала Анна Петровна. — В финале чувствуется волнение, внутреннее напряжение.

— Но поймите вы, — не унималась Анна Ивановна, — что скерцо — это бурная радость, это...

Спор шел о последнем квинтете Шостаковича.

* * *

Ничего удивительного! Крепко надеюсь, что очень скоро приблизительно такие же факты действительно будут иметь место в жизни. И я смогу о них более подробно рассказать в одном из своих фельетонов в новом, 1941 году. Во всяком случае я бы этого очень хотел.

Г. РЫКЛИН

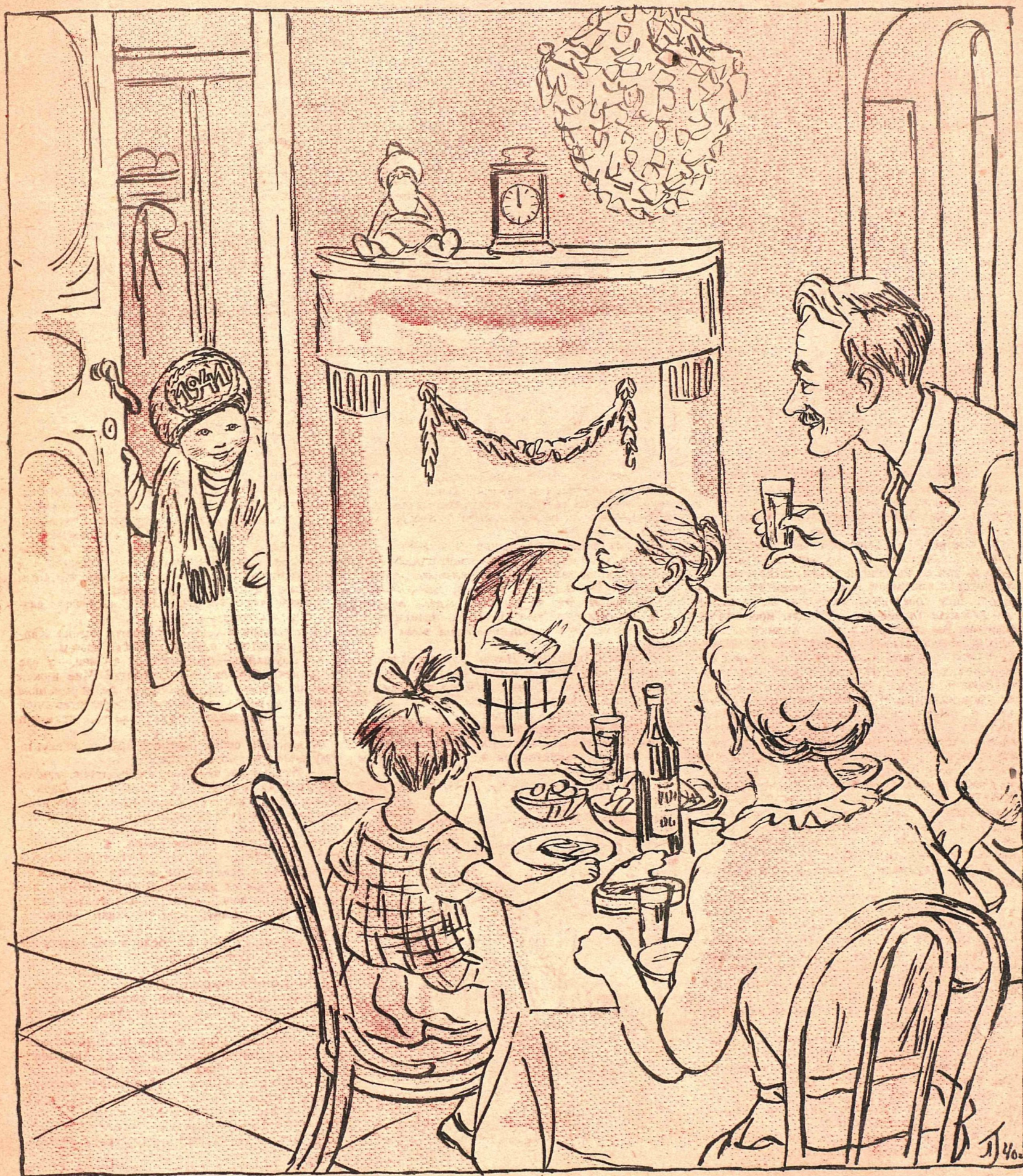
ТОЛЬКО РАЗ В ГОДУ

Рис. Б. Прокурова

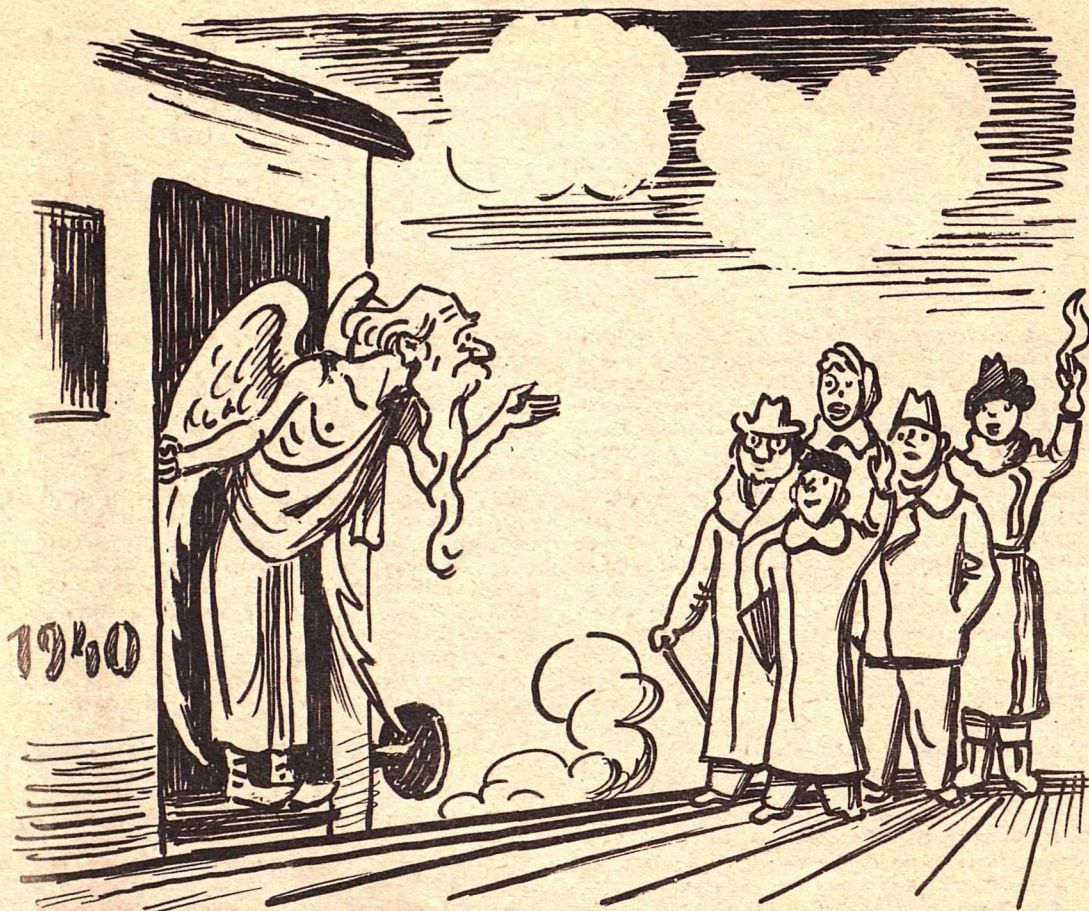
— С Новым годом! Не откажите в любезности, если это вас не беспокоит, разрешите пройти!.. С новым счастьем!

— Рад счастливому случаю, позволяющему мне оказать вам это приятное для меня одолжение. Проходите пожалуйста. И вас также!

— Привет. Чуть-чуть не опоздал. Я, знаете, по старой привычке искал вас в подвалах.

Рис. Н. Радлова

— Прощайте, товарищи, пишите почаще.

Под столом

— Теперь я тоже буду встречать Новый год, как все люди,— сказал Ефим.— У вас какой пай: двадцать рублей? Можете взять у меня побольше,— и он тряхнул своей копилкой—чугунным мопсом с прорехой на спине.

— Ты будешь встречать через пять лет, когда тебе исполнится десять,— сказала мама.— Интересно знать...— начал было Ефим, но мама завязала ему рот шерстяным шарфом и выпроводила на улицу.

На дворе он узнал довольно неприятную новость. Оказывается, Бушмаковы, что живут окнами на улицу, и Серокозовы, у которых бабушка из Белостока, тоже собираются встречать Новый год и тоже как раз ночью. Ефим сейчас же помчался домой и закрывал еще на лестнице, сдирая шерстяной шарф:

— Едемте моментально на вокзал! Лучше уж мы просидим там до самой ночи, по крайней мере, встретим первые. А то его у нас перехватят!

— Этот мальчишка сумасшедший,— нервно сказала тетя.— У меня не сбиваются белки для кекса. Уведите его куда-нибудь.

Ефиму опять заматили рот шарфом и опять выставили за дверь. Он пробыл на улице до самого папиного прихода с работы. Папа нес пузатый портфель, в котором позвякивало.

— Я знаю,— сказал Ефим, поднимаясь с папой по лестнице,— это у тебя бутылки. Интересно знать! А Новый год маленький и рыженький, я видел на календаре. И лучше всего мне с ним встретиться и поговорить по душам. И он, наверное, терпеть не может пьяниц.

— А ты знай помалкивай, поросенок,— сказал папа,— мы его живо ко всему приучим.

Они вместе вошли в квартиру, а там уже был готов румяный мясной пирог, жареный гусь и даже теткин кекс. Для Ефима испекли отдельно маленький пирожок. Незаметно, чтобы не испортить вида, вырезали кусочек из гуся, наскоро накормили Ефима и уложили спать

ровно в девять часов. Мама даже удивилась, что Ефим улегся так послушно.

Ефим подождал, чтобы за мамой закрылась дверь, соскочил с постели, достал из угла кубики и навалил их под одеяло. Потом вынул из кармана кусок пирога и пригласил к себе в постель кота Василиска.

— Давай будем играть и есть,— уговаривался он с Василиском,— и давай не спать до самой встречи.

Через час мама забежала проведать Ефима. Как только он услышал ее шаги, он сейчас же укрылся с головой вместе с котом и с кубиками. Пирог был уже съеден, остались одни крошки.

В это время раздался звонок. Мама поспешила в прихожую, и папа тоже пошел открывать дверь. Это пришли гости.

«Теперь надо действовать,— подумал Ефим,— а то они обязательно его прокараулят». Он спрыгнул с постели, надел свои желтые валенки и мамину вязаную кофту и шмыгнул в столовую, под стол. Там он устроился на средней перекладке, завернувшись в кофту и стал ждать.

Все время звонили звонки и приходили гости. Ефим видел только ноги, одни знакомые, другие незнакомые.

Когда все собрались, мама сказала:

— Прошу к столу!

Все задвигали стульями, и ноги со всех сторон обступили Ефима.

«Интересно знать,— подумал Ефим.— Сейчас разберемся чьи—чьи. Мамины туфли лаковые с бантом, желтые гетры пока не знаю... голубые туфли тоже не знаю, ну, серые баржи тетканы. А Новый год, наверное, придет из прихожей, и мне как раз из-под дедушки дверь видать».

В это время Иван Егорович, сосед по квартире, в вонючих черных сапогах, сказал:

— Надо бы проводить старый год.

Все ноги пришли в движение, особенно же ерзали дедушкины валенки: он прямо сучил ими, не переставая. За столом вспоминали всякую всячину, которая была в старом году, и за все решительно пили и пили.

«Вот он придет, он вам покажет,— подумал Ефим.— Он мальчик, а вы все будете пьяные. Интересно знать! Хорошо хоть, что я тут сижу. Уж я-то встречу,— он слушал тосты и думал:— И ведь весь год мама с папой об чем-нибудь ныли, а теперь, оказывается, все очень прекрасно. А дедушка даже говорит: «Дай бог, чтобы так и впредь!»

Ефим совсем освоился под столом и начал понемножку развлекаться. Он уже обладал некоторыми ценностями: двумя яблоками, зубочисткой, корочкой хлеба и теткинскими туфлями, которые жали ноги и теперь стояли отдельно. На одну туфлю он сел, а в другую раскрошил хлебную корочку и плевал серединки от яблок.

В это время он заметил, что к маминим тонким ножкам в лакированных туфельках подбирается ножница в желтой гетре.

«Чья же это лапа?»— подумал Ефим и вспомнил, что желтые гетры у доктора. Ножница прижалась к маминей туфле, туфелька отдернулась. «А-а, мою маму обижает»,— рассердился Ефим и зубочисткой кольнул по выше гетры. Ножница дернулась и спряталась под стул.

— А хватит ли вина?— спросил кто-то.

— Мы моментом еще добудем,— молодецкато сказал папа, а мама потихоньку дернула его за полу пиджака.

— Моментом!— опять сказал папа.

«А раз мама не велит, стало быть, не надо»,— подумал Ефим и тоже дернул папу за пиджак только изо всей силы.

— Ну, я же и так понимаю, что за манеры,— обиделся папа.

— А я ничего тебе и не говорю,— сказала мама, и между ними произошла небольшая тихая перепалка.

И вдруг с ужасным прохотом под стол сехал Иван Егорович. Ефим очень испугался, но Иван Егорович посмотрел на него добрыми мокрыми глазами, ничуть не удивился и почему-то сказал:

— Ммммы все равно, как в лодке...

Его никто не стал вытаскивать наверх, и все решили, что так гораздо веселее.

Дела под столом прибавлялось: пришлось угостить Ивана Егоровича остатками яблока, еще раз ткнуть зубочисткой докторскую ножницу, которая теперь подобралась к неизвестной голубой туфле направо.

Внезапно все замолчали и диктор по радио произнес:

— Слушайте бой часов с Кремлевской башни.

И когда медленно забили часы, папа с шумом отодвинул стул и громко сказал:

— Вот и Новый год! Милости просим!

Все закричали:

— Ура!

Ефим заволновался: «Где же он, где?»— и высунул голову из-под скатерти.

— Ай-ай-ай!— закричала дама в голубых туфлях.— Посмотрите скорее, неужели это Новый год лезет из-под стола!

Одни кинулись на четвереньки, другие присели на корточки и вытащили Ефима.

— Боже мой, это же наш сумасшедший ребенок!— сказала тетка, вытряхивая из туфли всякую ерунду.

Мама была вся красная от смущения. Она схватила Ефима и потащила его в спальню. На постели, среди кубиков и хлебных крошек, спал, блаженно улыбаясь, мордастый Василиск. Постель пришлось перестилать.

— Я говорил вам, что надо встречать на вокзале,— сказал Ефим.— Его, наверное, Бушмаковы к себе затащили или белостокская бабушка. Она хитренькая, медовых пряников напекла. А у нас одна водка. Интересно знать! Ужасно ему нужно...

Он уснул сейчас же и во сне встретился с рыжим мальчишкой, у которого на груди увидел цифры: один, девять, четыре и еще один... И Ефим обещал ему дружить с ним круглый год.

В. КАРБОВСКАЯ

Момандировка

В БРИЧКЕ сидели двое: худой, с беззубным лицом, колхозник Трофимкин и заготовитель грибов Неночуев, полный, даже грузный мужчина лет тридцати пяти. Возвращались они из поездки по лесным деревушкам и выселкам, где Неночуев инспектировал приборазготовительные точки.

Дорога, по которой они ехали к станции Сизякино, проходила по живописнейшей местности: желтеющие нивы перемежались рощами и лесами, в заводях отражались дремучие нивы.

— Вот, — говорил заготовитель, — едут чудаки на курорты, в санатории, во всякие там Гагры и не догадываются, что в сугках езды от Москвы такие места. Один воздух чего стоит!..

— Действительно, — согласился Трофимкин, — места тут у нас — никакого лекарства не надо. Ведь вот одна женщина к нам сюда приезжала. Поверишь ли: она до сорока пяти лет не рожала, и уж никакой надежды у ней не было, а тут пожила и двойню родила. Прямо даже интересно. Или вон стариков наших взять: Климову Даниле Васильевичу сто один год, а он зимой каждую субботу в проруби купается. Истинное мое слово.

Видно было, что оба они, и Неночуев и Трофимкин, находились в превосходнейшем расположении духа. Неночуев об'ехал больше десяти приборазготовительных точек и, как ему думалось, собрал весьма ценные сведения о работе этих учреждений. Через два часа он войдет в вагон и поедет в областной город, домой. Очень приятно! Трофимкин тоже был доволен поездкой: работа выпала легкая и интересная: сиди себе с заготовителем на бричке и раз'езжай по лесам и деревушкам. Во всех точках их отлично кормили. Спутники мирно и вкусно беседовали на всевозможные темы: о климате, религиозных предрассудках, яровизации картофеля, об охоте на зайцев и даже об архитектуре...

— Нет, — говорил Трофимкин, — вот насчет этого... насчет архитектуры в нашем колхозе нехорошо получилось. Сделали мы постановление — оборудовать в церкви клуб. А председателем у нас тогда был Солякин Илья Петров. Ничего он был человек, но только уж очень шугливый и никогда ответственность на себя принимать не хотел. Если, допустим, от района нет бумаги или приказа на словах, то он ни пахать, ни косить, ни скотину случать не позволял. «Я, — дескать, — не имею еще установки...» Когда мы постановили церковь под клуб отдать и от района уже согласие получили, он, Солякин-то, говорит: «Все-таки без архитектора ответственность за это не возьму». Мы ему: «Илья Петрович, какая тут хитрость — церковь перестроить. У нас ведь есть люди, которые сизмальства в Питере дома делали. Они всякие фасоны знают...» А он: «Нет и нет!» А у хороших-то архитекторов и без нашей церкви

делов хватает — кто к нам по такому пустяку придет! Раза три Солякин-то в город ездил. И нанял там какого-то замухрылого человека, который только и умел, что всякие слова говорить: «канители», «балострада», «антрисоль», «Михал-Анджело»... Привезли мы его честь-честью, квартиру отвели, каждый день ему кило мяса или куру жарим и деньгами, что полагается, даем... А он топчется подле церкви с циркулем и все про микрон говорит. «В нашем, — говорит, — деле главное — микрон: ошибешься на один микрон — и жертв будет много...» А то сядет у колокольни и начнет разговор: «Канители, — говорит, — я вам сделаю по-римски, а цветочки по потолку плуцу по-византийски, а входы, — говорит, — у вас будут, это самое антре, по-мавритански...» «Вот, — думаем, — хорошо, что мы его привезли». И стали мы эти «канители» делать и всякие «балострады» точить. Слушаем его во всем в точности, стараемся, как только можно. Потом глядим, что-то у нас нехорошо получается: будто не клуб для веселья строим, а острог. Потом все это нам пришлось по своему плану переделывать...

Выслушав Трофимкина, заготовитель сказал:

— Главное в любом деле — квалификация. Хотя вот взять тот же гриб. Это только кажется, что никакой хитрости тут нет: приехал да и заготовил. Я вот уже десятый год сижу на грибе и, можно сказать, собаку с'ел в этом деле...

Трофимкин кивнул головой:

— Действительно, если человек без квалификации и без совести, то хорошей жизни ему не будет. Вот, допустим, об тебе я ничего плохого не скажу: и с образованием ты как будто человек, и уважительный, и вот в командировку тебя пускают, и жалование тебе идет... А народ-то это, конечно, во внимание не принимает и свое мнение имеет. Людям рот не заткнешь: ноне для критики ворота широкие. Скажут: дескать, приехал в разгар уборки, взял у колхоза лошадь и три дня в лесах пропадал. И, дескать, нам не лошади жалко, это уже пускай, что лошадь взял, а главное, зазря он ее совсем гонял: никакого дела не сделал.

— Это ты про меня? — изумился заготовитель.

Трофимкин отрицательно покачал головой:

— Не я, а люди. Оно, может, ты и хорошо, по своему мнению, сделал, а люди критику будут пускать: дескать, почему он только возле станции крутился, а вот в Тещино поехать не сходил. Главный, скажут, гриб не тут, не у нас, а в Тещине и Гулякине. Там в лесах от гриба даже воздух пьяный делается — вот там сколько грибов! Он, скажут, потому в Тещино не поехал, что от станции далеко и это ему спокойно. Ему, скажут, не гриб дорог, а ему надо очки втереть своему начальству: дескать, вот сколько точек я об'ехал и вот сколько делов сделал.

— Ты меня не учи, куда мне ехать, — рассердился заготовитель.

— Да господи! — воскликнул Трофимкин. — Разве я об себе? Да для меня — давай вот сядем под елочку, посидим и — на станцию. Мое дело — сvez да отвез. Я тебе про людей говорю. У людей ноне, знаешь, какое мнение пошло: дескать, если человек к чему приставлен, то он свое дело по всей совести должен сполнять: хоть косец, хоть пастух, хоть шорник... Дармоедства чтобы не было — вот какое мнение ноне пошло! Сейчас это Семку Грызова за бока: «Ты почему этого элемента на крючок не цапнешь?» А Семку хлебом не корми, только ему навод для газеты сделай. Злее его селькора у нас нету. Он когда чего пишет, так у него кожа на лбу ходит и волос на голове стоит. И вот Семка-то сейчас же перо, чернила и — статейку в газету, в область: дескать, вот по какой причине у нас гриб срывается. Возьмешь ты областную газетку, а там вся твоя биография, ну ее к свиньям!..

Заготовитель обалдело посмотрел на Трофимкина:

— Это вашему этому Семке, может быть, год тут надо сидеть, чтобы понять дело, а мне трех слов довольно, и я уж вижу все насквозь...

— Мне-то это понятно, — согласился Трофимкин, — но у народа свое мнение. Скажут, три дня проездил, а точки как были на самотеке, так и остались. Им, чертям, показать надо, как работу полагается вести. А ты, скажут, гусей жрал, яичницу жрал, зверобой глушил, а порученное дело не сполнил. Кучерьев Лексей, партторг наш, он твоей работе анализ сделает, и придет к нему секретарь товарищ Овсянкин, он Овсянкину доклад донесет: дескать, до какой поры наши грибные точки будут без контроля и когда к нам перестанут ездить дармоеды... А Овсянкин: «Какие такие дармоеды?» А Кучерьев: «Да вот приезжал наемни...» И об'яснит всю твою биографию, и Овсянкин запишет твою фамилию, имя, отчество, и пошло, поехало...

Трофимкин неодобрительно покачал головой:

— И вот будет у нас сессия сельского совета, и об грибах там тоже разговор зайдет, и сделают об тебе такое постановление, что в брюхе у тебя студено станет, и пошлют это постановление твоему начальству — раз, прокурору — два, обкому партии — три... И пошло, поехало...

— Чудак ты! — озябшим голосом сказал заготовитель. — Ты думаешь, я вот так сел сейчас на поезд — и тью-тью. Нет, извиняюсь. Я еще у вас тут не один, может быть, день проживу. У меня тут целая серия предложений и... и вообще...

— Это — другое дело, — сказал Трофимкин и, дернув вожжой, снова заговорил о климате.

А. КОЛОСОВ

Новогод

НЕ КУРИТЬ

НЕ ПЛЕВАТЬ!

УХОДЯ-
ГАСИ
СВЕТ!

НЕ СОРИТЬ!

ОКУРКИ
НА ПОЛ
НЕ
БРОСАТЬ!

МОИ РУКИ
ПЕРЕД ЕДОЙ

ГОЛОВНЫЕ
УБОРЫ И
ГАЛОШИ
СНИМАТЬ
ОБЯЗАТЕЛЬНО

Надо слишком
много читать,
чтобы стать
культурным

КТО ЭТОТ ДОБРОВОДНЫЙ
ГРАЖДАНИН? ЭТО ЗЛОСТНЫЙ
НЕПЛАТЕЛЬЩИК КВАРТПЛАТ

КАК ВАШЕ
ИМЯ?

ПРОКОФЬЕВ, ФЕДОР,
1903. СРЕДНЕЕ. НЕТ.
НЕТ. НЕ СУДИЛСЯ... НЕ
СОСТОЯЛ... ПО БОЛЕЗНИ

СМОТРИ, СКОЛЬКО
КАНИТЕЛИ!
А ВСЕ-ЖЕ ВСЕМ
ВЕСЕЛО!

ПОЧЕМУ ТЫ
РАЗВЕЛСЯ
С МАШЕЙ?

ОНА ОБМАНУЛА МОИ
ЛУЧШИЕ ЧУВСТВА:
СКРЫЛА, ЧТО ИХ
ДОМ СНОСЯТ.

Ний бал

Я ОБЯЗАТЕЛЬНО
СДЕЛАЮ ВАС ГЕ-
РОИНЕЙ МОЕЙ
НОВОЙ ПЬЕСЫ!

НЕУЖЕЛИ Я ВАМ
КАЖУСЬ ТАКОЙ
СТАНДАРТНОЙ?

ПОЧЕМУ ТАК
МНОГО ВИНА
ДЛЯ ВСТРЕЧИ
НОВОГО ГОДА?

А МЫ, КРОМЕ ТОГО,
ПРОВОЖАЕМ
ЕЩЕ И СТАРЫЙ

КАК УДАЧНО ВЫ ПРИДУ-
МАЛИ, ИВАН МАКСИМУ-
ВИЧ, НАЗНАЧИТЬ ДЕ-
ГУСТАЦИЮ НОВЫХ СО-
РТОВ ИМЕННО СЕГОДНЯ
В 12 ЧАСОВ НОЧИ.

МОЯ КОМЕДИЯ, ВСЕ-
ТАКИ ВЕСЕЛЕЕ ТВО-
ЕЙ. В ЗАЛЕ СЛЫША-
ЛСЯ СМЕХ

ЕЩЕ-БЫ! ЧЕТЫРЕ
СОАВТОРА-БЫЛО
КОМУ СМЕТЬСЯ!

ДУЖ ПОШЕЛ ЧЕ-
ВЕРТЫЙ ГОД, КАК
ХОЖУ К ВАМ СО СВО-
ИМ ИЗОБРЕТЕНЬЕМ

НУ, ЧТО-Ж,
С НОВЫМ
ГОДОМ!

МУРА И НЮРА ОШИБЛИСЬ: ОНИ
ОБЕ ДУМАЮТ, ЧТО СМОТРЯТСЯ
В ЗЕРКАЛО.

Ю
ГОНД
40

— Я давно знаю товарища Редькина, как выдержанного, энергичного, я бы сказал, боевого товарища с блестящими способностями.

— Редькина? Ни за что не приглашай! Нагонит скуку. Это вялая, серая, бездарная личность. Да к тому же мы его почти не знаем.

Во Львове

ЭТА фотография находилась в одном из тихих переулков города Львова, и хозяйничал в ней тихий старичок с подстриженной седой бородкой, как у кардинала Ришелье.

Мы застали старичка в ту минуту, когда он раскладывал в симметричном порядке несколько сот фотографических снимков. Они возвышались какobelisks на полу, и нужно было ходить с оглядкой, чтобы не разрушить эти сооружения.

— Мой музей, — с удовольствием сказал старичок-фотограф, — пятьдесят лет работы. Это — еще не все. Вы не можете себе представить, какую грудку мы сожгли в нашем «крематории». И старичок показал на камин в углу его студии.

Действительно это было нечто вроде музея. Перед нами лежали фотографии полувековой давности.

Мы увидели десятки однообразных бритых и усатых физиономий австрийских гусар и гвардейцев эпохи Франца-Иосифа. Узкие куртки облегли их сухошавые фигуры, высокие воротнички подпирали шапмаженные и завитые головы. В правом глазу сверкало стеклышко монокля. Руки были сложены на эфесе шпаги. На коленях лежали высокие, похожие на дымовые трубы старого дома головные уборы. Это был некогда живой типаж оперетты «Летучая мышь» Штрауса, типаж оперетт Легара.

— Тысяча девятисотый год... — сказал старичок-фотограф. — Видите подпись внизу «Лемберг» — Львов». Вот это, например, оберлейтенант граф фон Виттих, адъютант эрцгерцога Франца-Фердинанда, а это его невеста баронесса фон Розен, мои уважаемые заказчики... Имеется еще фотография майората его зятельства, а также фотография его охотничьего домика и его виллы в Карпатах... В настоящее время там дом отдыха для железнодорожников...

Старичок перешел к другомуobelisku из фотографических снимков.

— «Двадцать лет спустя», — так я бы назвал эту коллекцию экспонатов моего музея. 1920 год.

И он положил перед нами странную фотографию. На снегу лежало красивое рогатое животное — лось — с ветвистыми, закинутыми назад рогами. На спине у убитого животного сидел господин в бекеше, в шляпе пирожком и с перышком. Лицо господина было почти квадратным. Под широким в виде картофелины носом торчали усы в виде щетки. Ниже был рот с надменно приподнятой верхней губой и подбородок, тремя этажами спускавшийся к брововому меховому воротничку. На коленях у господина лежала охотничья двустволка.

— Господин граф Сигизмунд Тышкевич, — сказал старичок, — в своем заповеднике. Сенатор и посол польского государства в Бразилии. Я имел честь снимать серебряную свадьбу графа в его дворце... Вероятно, вы там бывали. Это теперь клуб, если не ошибаюсь, клуб швейников...

И он швырнул фотографию на пол.

— Теперь, если позволите...

Передо мной лежал странный портрет. В первое мгновение мне показалось, что это фотография артиста в гриме и костюме из оперы «Запорожец за Дунаем». В кунтуше с откидными рукавами, в шароварах шириной в Черное море на бархатном стульчике сидел чубатый и усатый мужчина. На коленях у него лежала дровяная, похожая на ятаган сабля.

— Артист?

— Помилуйте, товарищ... Атаман Коновалец, бывший комендант Киева, правая рука господин Петлюры, накануне отъезда в действующую армию. Я имею еще один портрет этого господина в штатском костюме и без чуба, но с усами. И портрет этого же господина в автомобиле с адъютантом. Он любил сниматься, господин Коновалец...

Старичок-фотограф помолчал.

— Юзеф, — сказал он мальчику, — дай спички. — Повернувшись к камину, произнес с до-

стойством: — Вы будете присутствовать при церемонии сожжения моих уважаемых клиентов в моем собственном «крематории».

— Что вы? Что вы? — кричал мой спутник. — Не делайте этого!

Рука старика, протянутая за спичкой, повисла в воздухе.

— Опомнитесь! — продолжал мой спутник. — Я директор с'емочной группы из Киева! Я просто умоляю вас, такой типаж, такой редкий типаж! Как можно это жечь! Давайте их всех сюда: и графа фон Виттиха, и его невесту, и графа Тышкевича, и пана атамана Коновальца, — словом, всех... Это же — для нас чистое золото! Давайте их всех, я пришлю легковую машину, а если понадобится, то грузовик! Это же музей, а вы говорите «крематорий»! По чем вы берете за шутку?

— Возьмите даром, — сказал старичок. — Ведь всем им теперь — трош цена...

— Клиент! — торжественно провозгласил мальчик Юзеф.

Старичок-фотограф ушел в студию.

Мы задержались еще на несколько минут, рассматривая музей фотостудии, и, уже уходя из студии, мы снова увидели старичка-фотографа.

На фоне написанной на холсте коллонады Ренессанс сидел круглолицый парень в гуцульской шляпе и куртке, со значком воронцовского стрелка на груди. Он потел от смущенья и щурился от яркого света электрического рефлектора.

— Минута! — кричал старичок-фотограф. — Готово!

Свет рефлектора потух, и старичок-фотограф тут же скомандовал мальчику:

— Запиши: Тадей Куцыба, председатель сельсовета.

Был канун 1941 года в советском городе Львове.

Л. НИКУЛИН

— Господин Ван Цзин-вей! Толпа собралась вас приветствовать! Покажитесь ей!
— А это не опасно?
— Абсолютно. Там нет ни одного китайца.

Баллада о короле и солдате

Солдат заспорил с королем,—
Кто старше, кто важней.
Король сказал: — Давай пойдем
И спросим у людей.

Вот вышли под вечер вдвоем
С парадного крыльца:
Солдат под ручку с королем
Из летнего дворца.

Идет навстречу свинопас —
Пасет своих свиней.
— Скажи, приятель: кто из нас,
По-твоему, важней?

— Ну что ж,— ответил свинопас,—
Скажу я, кто важней из вас.
Из вас двоих важнее тот,
Кто без другого проживет.

— Ты проживешь без королей?
Солдат сказал: — Изволь!
А ты без гвардии своей?
— Ну, нет! — сказал король.

С. МАРШАК

Бывший визитер

ЗА СЕМЕЙНЫМ столом, во время новогоднего ужина, старый бухгалтер Иван Михайлович поднялся и сказал:

— Дорогие мои друзья, я старик. Мне уже стукнуло 60 лет. Я помню живого городского. По крайней мере, 35 раз я усаживался за новогодний стол и произносил слова, извечные как мир: «С Новым годом, с новым счастьем!»

Сейчас я взял слово для того, чтобы покаяться в своем проклятом прошлом: когда-то я был визитером, дорогие мои друзья, новогодним визитером. Не отшатывайтесь от меня.

Тридцать лет назад я принадлежал к числу тех молодых людей в форменных фуражках с кокардами и в пальтишках с ясными пуговицами, к числу тех молодых людей, какие служили в конторах, банках, на почте и именовались чиновниками. Вот и я считался чиновником и, получая 25 целковых в месяц, состоял в высоком звании коллежского регистратора.

Вы знаете, кто такой коллежский регистратор? Нет, вы, конечно, не знаете... Вы думаете, наверное, что это вроде генерал-адъютанта или камер-юнкера двора его величества. Ошибаетесь. Будучи в чине коллежского регистратора, я занимал должность конторщика — только и всего.

Про таких, как я, пели песенку:

«Вот идет чиновник,
На нем виц-мундир.
Сыплется крыжовник
Из карманных дыр».

Столоначальник губернский секретарь Сви-стунув при встрече подавал мне два пальца, а управляющий банком граф Недрыгайло не удостоивал даже и кивком. Однажды, впрочем, он почтил меня своим вниманием заметивши:

— Эй, послушайте, как вас там... э... голубчик, как ваша фамилия?

— Иванов, ваше сиятельство, — отвечал я, готовый провалиться сквозь землю от смущения.

— Прелестно, — заметил граф удаляясь...

Я я граф! Это сопоставление было столь же противоестественным, как сравнение между Эйфелевой башней и пожарной каланчой в городе Малмыже. Но, тем не менее, таков уж был обычай: на Новый год все мы, мелкие чиновники, должны были приносить нашему управляющему поздравления. Это называлось крайне светски — «нанести визит». И я, каюсь, в числе прочих «наносил визит» и был, следовательно, визитером.

Утром в новогодний день я вскакивал, как встрепанный, с мыслью, которая томила и мучила: сегодня надо идти к его сиятельству. Я яростно чистил штiblеты бурской ваксой, Сдувал пылинки с потертого мундира, наяривал мелом пуговицы, надевал манишку с целлулоидным воротником, твердым, как железная скоба, и отправлялся с визитом. На моем лице отражалась смесь торжественности, уныния и робости. Я шел, подпоясанный морозом, щелкая зубами от холода в своем пальто, подбитом ветром. У подъезда дома, где жил граф, стояли вереницей шикарные сани и кучера, подобно изваяниям, возвышались на облучках. В дверях красовался швейцар Родионич с бородой, как у генерала Скобелева. В день Нового года у графа всегда был большой прием.

Я шел медленно, стараясь как можно дольше оттянуть тяжелый момент визита. Все заранее было известно: я поклонюсь Родионичу, он презрительно поглядит на меня и скажет: «Здрасьте, господин, не упомяну вашей фамилии». (Родионич так же, как и его хозяин, отличался слабой памятью на наши фамилии.) Затем он величественным жестом покажет на книгу в рыжем переплете, лежащую на столе в вестибюле. Я должен буду взять перо в руки и начертать, по возможности скромно, свою скромную фамилию. Сия роспись означала, что я посетил графа. Больше ничего не требовалось. Наверх, туда, откуда раздавались веселые голоса гостей и звуки рояля, меня, разумеется, не приглашали.

Стараясь не поскользнуться на сверкающем паркете, я удаляюсь, оставляя Родионичу потный двугривенный «на чай». «Гольтепа», — думает он. «Хам», — думаю я...

Но однажды у самых дверей меня вдруг осенило: «Не пойду! Какого, действительно, чорта! Не пойду. Противно идти. Не желаю». Я прошел мимо сверкающих дверей. Родионич стоял величественным столбом. Я прошел мимо невзирая ни на что. Я не хотел больше быть визитером. Весь день я был в отличном настроении духа.

Однако, когда на следующее утро я, как всегда, явился в присутствие, меня вызвал к себе управляющий.

— Э... э... голубчик, — сказал он, — как, любезнейший, ваша фамилия? Иванов? Прелестно. Я, любезнейший, терпеть не могу невежливых людей, не признающих установленных правил благоприличия... Я, любезнейший... все забываю вашу фамилию... не потерплю-с. Или вы или я...

Вы, разумеется, понимаете, что выбор тут был весьма ограничен: он остался в банке, я ушел, ушел в пальтишке с форменными пуговицами, в фуражке с кокардой и без копейки денег... Визитер!

Это было тридцать лет назад, друзья мои, всего каких-нибудь тридцать лет. И я, старый хрыч, старый бухгалтер, видавший виды на своем веку, поднимаю стакан вина, пью ваше здоровье и говорю:

— Вы, мои дорогие, не помните живого городского, и это хорошо. Вы не помните графов. Вы не помните графских холуев. Вам никто не говорил: «Эй, вы, любезнейший, как ваша фамилия?» Вам не надо бегать с «визитом». Вы работаете от души и от сердца. Вам радостен ваш труд. Я вместе с вами дышу полной грудью. Я веселюсь вместе с вами, мои юные друзья.

Выпьем же и произнесем: «С Новым годом, с новым счастьем»...

Н. КРУЖКОВ

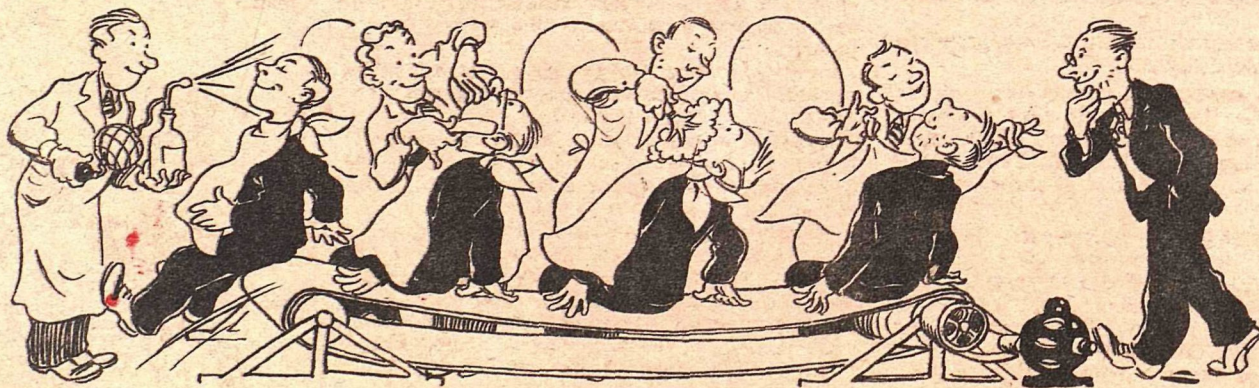

Рис. А. Баженова

Без двадцати двенадцать.

Необыкновенная встреча

ЕЛКИ И ПАЛКИ

Рис. Л. Соифертиса

ДНЕЙ за двадцать до Нового года для Аркадия Бобкова наступала мучительная пора терзаний: где и с кем встречать? С кем? С кем? Куда идти? У Вареницых обычно бывает чудесный заливной поросенок, но там собираются одни старики. Они смачно едят и до утра не поднимаются из-за стола. У Звонаревых много шума, пляски, веселья, но у этих безалаберных людей одни консервы на закуску. Хотя бы на полчаса следовало заехать к Василию Сергеевичу: единственный родственник в Москве. Друзья звали в ресторан, за город, на зимнюю дачу. Одним словом, Аркадий разрывался на части и до последней минуты не мог решить, куда идти.

Так бывало во все прежние года. Но на этот раз Аркадий мучился лишь по одной причине. Как и всегда, задолго до Нового года он имел десятки приглашений, но он ждал и не мог дожидаться одного телефонного звонка. Почему его не приглашает Валентина Антоновна? Аркадию было хорошо известно, что у нее соберется много народу, и даже Вася Покрышкин приглашен позавчера, а его обходят. Между тем Аркадий вот уже более трех месяцев был сильно влюблен в Валентину Антоновну. Неужели она не замечает? Неужели взбалмошный и легкомысленный Покрышкин ей более по душе?

Неожиданно раздался телефонный звонок, и Аркадий с замирающим сердцем услышал голос Валентины Антоновны.

— Аркадий, — сказала она, — если вы еще не заняты, я буду очень рада видеть вас у себя.

— Абсолютно свободен! — торопливо и испуганно воскликнул Аркадий. — Обязательно буду.

— Не спешите, — предупредила Валентина Антоновна. — Подумайте как следует. Я знаю, что вас приглашают в тысячи мест, у меня соберется маленькая компания, вы же знаете мою комнату. Ни танцев, ничего нельзя устроить. Я боюсь, что вы будете скучать.

— С вами скучать! — прокричал в трубку Аркадий.

Валентина Антоновна рассмеялась, потом, прощаясь, повторила:

— Подумайте все-таки, я буду очень огорчена, если вы потеряете такой вечер. Итак, до свидания...

Наконец наступило 31 декабря. Ровно в половине двенадцатого Аркадий вместе с Васей Покрышкиным явились к Валентине Антоновне. Предприимчивый Покрышкин тащил огромный сверток с шампанским, а Аркадий держал подмышкой закутанный в газеты букет цветов.

Дверь открыла сама Валентина Антоновна. Но, к удивлению друзей, в квартире было тихо, а сама Валя стояла одетой в шубу, и на ногах ее чернели высокие резиновые боты.

— Тише, тише, — шопотом предупредила Валентина Антоновна, — проходите скорей на кухню. У нас случилась большая неприятность. Как жалко, что я не могла вас предупредить.

На кухне Валентина рассказала подробности неприятного происшествия.

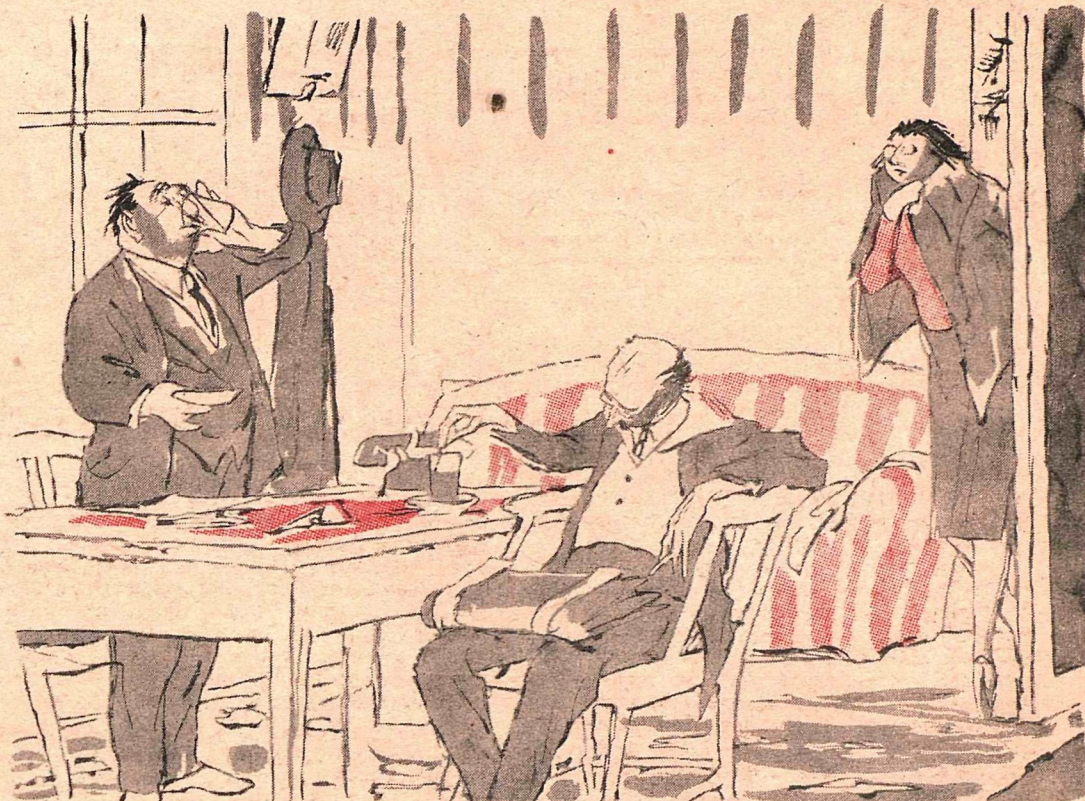
— Два часа назад, — сообщила она, — к нам приехала тетя из Ташкента. Не знаю, что случилось: перемена климата или что-нибудь другое, — но тетя лежит в горячке. Только что был врач, и он подозревает воспаление легких.

— Страшное дело! — встрепнулся Покрышкин. — Если вы можете на кого-либо оставить тетю, едьте со мной. Я обязательно должен быть у Свирибеевых. Собственно говоря, я специально заехал к вам извиниться, что не могу быть у вас: Свирибеев вернулся с Камчатки, я его не видел четыре года.

— Очень хорошо, спешите, и вам, Аркадий, рекомендую: не теряйте времени.

— Нет, — сказал Аркадий. — Если вы разрешите, я останусь с вами.

— Зачем! — запротестовала Валентина Антоновна. — Мне вас даже негде принять: комната занята тетей... К чему вам терять вечер...

— Там елку доставили.
— Ну и что? Разве вы не знаете порядков? Подшить ее к делу — и все!

— Счастливого Нового года! — торопливо попрощался Покрышкин, и, перекинув с руки на руку сверток с шампанским, он понесся к дверям.

Аркадий остался.

— Не надо, — укоризненно сказала Валентина Антоновна. — У вас еще есть целых двадцать минут. Вы успеете и попадете в веселую компанию...

— Не говорите, — решительно перебил Аркадий, стаскивая с себя пальто, — я буду с вами.

— Не снимайте пальто! — ужаснулась Валя. — Мы будем сидеть в комнате соседки: она уехала на полгода; у нее страшно холодно. Вы видите: я в шубе и ботах.

— С вами, — воскликнул Аркадий, — я готов сидеть в тороках Северного полюса!

Они прошли в маленькую комнату и сели на жесткий диван. Валентина Антоновна плотней закуталась в шубу и умоляюще посмотрела на Аркадия:

— К чему все это? Мне даже нечем вас угостить. Подумайте, у вас еще есть пятнадцать минут, прошу вас...

— Молчите! — приказал Аркадий.

— Ну, хорошо, — согласилась Валя, — спасибо. Но что мы будем делать? Нечего сказать, хороший Новый год! Вы долго будете помнить.

— В жизни не забуду. Мне так тепло на сердце, — проникновенно сказал Аркадий, чувствуя, как у него стынут ноги.

На замороженных окнах искрились ледяные узоры. В комнате стало еще холодней. Но Аркадию внезапно стало жарко. Он решил сейчас же, сию минуту, признаться.

— Валентина Антоновна, — торжественно и тихо сказал он, — Валя... дорогая... Через несколько минут наступит Новый год. Миллионы людей в эту минуту пожелают друг другу счастья. Какое же счастье ждет меня...

Он не успел окончить фразы: вдруг стало темно, и Валентина Антоновна соскочила с дивана:

— Что такое?.. Погасло электричество. Вот невезенье! Аркадий Петрович, вы умеете чинить пробки?

— Не пробовал, — признался Аркадий, — но идемте. Где у вас пробки?

Печально вздыхая, Валя взяла Аркадия за

руку, и наощупь они выбрались в коридор. Спотыкаясь, ничего не видя перед собой, брел Аркадий за хозяйкой.

— Правей, держитесь правей, — предупреждала Валя, — осторожней: здесь стоит велосипед. Не ушибитесь. Ах, зачем вы остались! Вот вам и встреча Нового года!

— Это будет незабываемая встреча! — бормотал Аркадий, все крепче и крепче сжимая руку Вали.

Ему казалось, что они прошли уже пять километров. Вдруг он остановился, притянул к себе Валию.

Но в эту секунду вспыхнул свет, раздались хохот, аплодисменты...

Ошеломленный Аркадий зажмурился от резкого света и едва не вскрикнул от неожиданности.

Он стоял посреди ярко освещенной комнаты, переполненной гостями. На столе сверкали бокалы, заиграл патефон, и все закричало «ура». Часы ударили двенадцать, и Валентина Антоновна, схватив со стола бокал, громко провозгласила:

— С Новым годом, дорогие! Позвольте вам представить моего лучшего и истинного друга Аркадия.

Мих. РОЗЕНФЕЛЬД

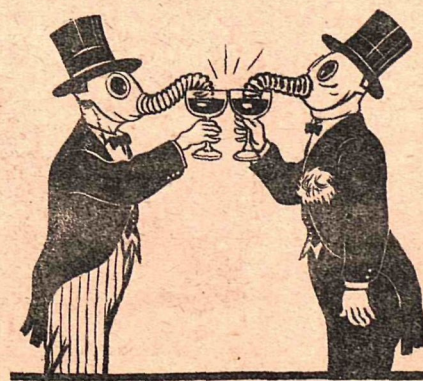

Рис. В. Васильева

На Западе без перемен.

Рис. Б. Пророкова

Новогодняя просьба

— Как хорошо, совсем как в планетарии!
— Даже лучше: лектора нет, а объяснение есть.

РАБОТНИК эстрады (в области так называемого «разговорного жанра») Семен Иванович Пестиков ходил вокруг празднично сервированного стола и мурлыкал. Сегодня, как и обычно, он встречал Новый год у себя дома, в тесном кругу родных и друзей. Закуски, вина и фрукты дразнили воображение, и Семен Иванович уже предвкушал, как он перед полночью наполнит рюмки и скажет: «Выпьем последний раз и закаемся... до будущего года!»

В столовую вошла жена Пестикова.
— Семочка,— сказала она,— ты на меня не обидишься?

— Я?! На тебя?! — с преувеличенным изумлением воскликнул Семен Иванович.— За что же?

— Видишь ли... Я тебя очень люблю, Семочка, но... Только ты, пожалуйста, не сердись!.. Есть у меня к тебе новогодняя просьба... Вот, я знаю, перед двенадцатью часами ты скажешь: «Выпьем последний раз и закаемся... до будущего года!» После двенадцати: «Батюшки, мы же с прошлого года ничего не пили!» Потом: «Божже мой, я же с прошлого года ничего не ел!» Потом: «Вот тебе на, я же с прошлого года не выкурил еще ни одной папиросы!» И так далее, и так далее. И это повторяется каждый год — слово в слово!.. Это же скучно, когда люди одну и ту же шутку повторяют и повторяют... Это же, Семочка, очень скучно!

— А, знаешь, я как-то того... не замечал,— сконфуженно пробормотал Пестиков.— Но ты права...

И он дал слово, что этот Новый год он встретит новыми словами, новыми шутками.

Однако, когда собрались гости и часовая стрелка медленно подползла к двенадцати, Семен Иванович не смог выдать из себя ни одного нового слова, а старые так неудержимо стремились сорваться с языка, что он даже зажал рукой рот.

— Что с вами, Семен Иванович? — спрашивали его гости.

— Ничего...—мычал Пестиков, почти не разжимая губ.— Ничего... так... зубы...

Только часам к четырем, когда все разошлось по домам, Семен Иванович вздохнул облегченно и сказал:

— Ну вот, я и выполнил твою новогоднюю просьбу... Ты мною довольна?

— Очень!—ответила жена.

Пестиков закурил папиросу и сказал:

— Я же с прошлого года не выкурил ни одной папиросы.

Не выдержал все-таки!..

Н. КОЛЕСНИКОВ

Разные градусы

— Алло! Алло! Междугородняя? Алло!
— Говорите! Абонент у аппарата.
— Алло! Ниночка? Здравствуй! Это Вера говорит.
— Здравствуй, Верочка!
— Добрый день! Поздравляю тебя с наступающим Новым годом!
— Спасибо! И тебя. Как у вас жизнь?
— Хорошо. Погода чудная... Алло! Всего 25 градусов.
— Алло? Да, да!.. И у нас целых 25 градусов!
— Что?.. Какое совпадение!.. К встрече готовитесь?
— Еще бы! Даже елку ухитрились достать!
— Что, что? А, елку! Да, их сейчас тьма!
— Талочка так рада! Только что прибежала с улицы... ты слушаешь?.. с одной тапочкой: другую потеряла по дороге!

— Что? Тапочки? Неужели она уже ходит одна за тапочками?

— Алло! Алло! Да, ходит в одних тапочках...

— На лето? Алло!

— Алло? Да, да!.. Настоящее лето! Когда окна закрыты, ужасно душно... Ты меня слышишь?

— Алло! Да, конечно, закрыты, но душно не будет... Разве только придет больше народу... Шубы, калоши, валенки...

— Алло! Что, что? Леша? Конечно, маленький... Я ему белые брюки приготовила... И майку...

— Кого? Майку? Нет, Майку уложили пораньше спать. Она себе носик отморозила. Алло?

— Алло! Леша тоже сегодня сморозил: го-

ворит, что будет жарить яичницу на бульжнике!

— Что? Лыжники? Да, у нас много лыжников! Такая красота! Мчатся навстречу... Алло! Алло!.. Даже умеют лыжами писать на снегу.

— Алло... Встречу? Конечно, описать смогу... Хотя в такую жару, понимаешь сама...

— Что ты говоришь? В какую жару?

— Что? А! Да у нас в Баку 25 градусов жары!

— Ах вот что! А у нас в Иркутске 25 градусов мороза!

— А! А я слушаю и не понимаю! Вот штука!

— Ха-ха! Ну, прощай, Верочка! Привет всем!

— Прощай, Ниночка! Счастливой встречи!

НЕСТОР НЕТОПИСЕЦ

ТЕЛЕФОН этот висит на стене в коридоре. Рядом с аппаратом кнопками прищиплен разграфленный лист бумаги с фамилиями жильцов для учета разговоров.

Поговорив по телефону, каждый обязан поставить себе единицу. Кроме единиц на учетном листе изображены рожицы, нарисованные в небрежной графической манере по формуле неизвестного мастера: точка, точка, запятая, минус — рожица кривая.

Рожицы — творчество Алика, сына телеграфистки Нины Петровны, женщины одинокой и очень сильно занятой.

Телефон общественного пользования. Следовательно, когда трещит вызывной звонок, то к аппарату очень долго никто не подходит.

На шестом звонке из самой дальней комнаты (по коридору направо) выскакивает Зоя Львовна, жена актера малых форм.

На ходу застегивая халатик, Зоя Львовна вприпрыжку мчится по коридору и, в самый последний момент подняв трубку, тут же швыряет ее на стол.

— Никиту Федоровича! — с нескрываемой злостью возглашает жена актера малых форм и удаляется, размышляя о несовершенстве телефонной техники: «Неужели нельзя придумать, чтобы телефон звонил каждому по-разному: два длинных — ей, один короткий — Никите Федоровичу и так далее».

...В таинственный, милый и радостный вечер, который бывает раз в году — тридцать первого декабря, — телефон общественного пользования работает почти непрерывно. Жильцы квартиры выстраиваются в очередь к аппарату. Нетерпение гложет их души.

Они подгоняют счастливец, завладевшего трубкой, покашливанием, горестными вздохами, неопределенным рычанием.

Потом начинается разговор в открытую:

— Зоя Львовна! Это — безобразие! Пора кончать!

Не опуская трубку, Зоя Львовна парирует удар:

— Что значит «безобразие»?! Это — нахальство так говорить под руку. Да нет, это я не вам. Это я одному тут... Ну, что вы мне хотели еще пожелать на Новый год, Никанор Никанорович? Спасибо. Позвонить? Звоните, это будет очень мило с вашей стороны. Только предупреждаю: я в это время уже буду пьяная. Анекдот? А он длинный? Длинный?! Ну все равно, рассказывайте.

Очередь издает коллективный стон. Больше всех кипит Никита Федорович, как стоящий первым:

— Это же — действительно безобразие! Она будет слушать длинные анекдоты, а я из-за нее опоздаю на встречу! Кончайте, Зоя Львовна!

— Что, что? — говорит в трубку жена актера малых форм. — А муж что ей говорит? Слушайте, Никита Федорович, я вас, ей-богу, трубкой треснула... Да нет, это я не вам... А жена что сказала? Сам дурак!.. Да нет, это я тут одному... А муж что ей ответил?

Наконец, Никита Федорович овладевает трубкой. Теперь Зоя Львовна стоит последней в очереди (ей нужно позвонить еще во много мест!) и нервничает больше всех.

Никита Федорович — человек обстоятельный: он говорит медленно, вдумчиво, переспрашивая каждое слово:

— Обожди!.. Как?.. Значит, сажусь на метро? Как? Ага! Из метра направо? На какое направо? На направо, которое, как выходишь, направо, или которое, как входишь, направо? Как выходишь! Ага! Так.. Как? До Земляного вала и налево? На какое налево? На налево, как едешь к Курскому или от Курского? Как?

— Боже мой! — негодует Зоя Львовна. — Я, посторонний человек, уже все поняла. И давно бы на месте была, а он все такает. Пора кончать, Никита Федорович!

— Как? Так! Еще раз повтори: на какое налево, я забыл. Так. Я за себя не ручаюсь, Зоя

— Папа, а я вместо шести елок был уже на восьми.

— Вот счастливцев! Ты свой план перевыполнил, а мой у меня еще на шею сидит.

Львовна, слышите? Да это я не тебе... Это тут одной. Как? А потом? Так!

— Боже мой, какой тупой человек! Вы долго еще будете такать?

— Так! По лестнице направо? На какое направо? Как? Если вы будете мне мешать, я буду говорить еще час. Это я не тебе... Как? Попробуйте только отнять трубку, ну, попробуйте!..

Конфликт из-за трубки аппарата общественного пользования прозлит принять совсем уже драматический характер, но тут из комнаты телеграфистки Нины Петровны в коридор выходит Алик, в одной рубашке, розовый, заспанный и сердитый.

— Гражданин! — говорит он солидно. — Ну-ка, дайте мне маме позвонить.

— Становись в очередь, Алик.

— Дудочки! Дети без очереди. Мне некогда, мне спать нужно.

— Ну, ладно, Алик, — вдруг омягчается Никита Федорович, — звони, если тебе спать нужно. На трубку. Надеюсь, ребенку вы уступите очередь, Зоя Львовна?

— Ребенку да, но вам — никогда. Звони, деточка.

Алик, сопя, набирает номер и важно говорит:

— Попросите маму... То есть Нину Петровну. Это ты, Нина Петровна, то есть мама? Я тебя не узнал. Мама, ты не беспокойся, я сплю. Зачем звоню? А это я соскучился и проснулся. Мне, знаешь, что снилось? Мне снилось, что Новый год уже пришел. И еще, будто ты мне с дежурства вкусненькое принесла. Ой, хорошо, я сейчас засну. Мама, я тебя поздравляю с Новым годом.

Алик вешает трубку и хочет идти к себе. Но люди, стоящие в очереди у телефона общественного пользования, окружают его и не пускают:

— Идем к нам встречать Новый год, Алик.

— На, возьми конфетку, деточка.

— Ты не скучай, мама скоро придет.

Когда Алик уходит, Никита Федорович говорит, обращаясь ко всем, но главным образом к Зое Львовне:

— В общем... с наступающим вас, товарищи!

— И вас также. Вы уже отзвонились? Тогда разрешите мне.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 3 до 7 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 20 к. в месяц.

Изд-во „Правда“

Рукописи не возвращаются

А34361. Москва, Изд. № 3. Сдача текста и рисунков 19/XII 1940 г. Подписано к печати 27/XII 1940 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 4413. Тираж 271 000 экз.

Рис. Бор. Ефимова

39

Бор. Ефимов - 40

Период и серии

— Джентльмены! Где здесь ближайшее бомбоубежище?!

3/1

4/1

6/1